

Немировский Эммануил Яковлевич

Учебник уголовного права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Э56

Э56 **Эммануил Яковлевич Н.**
Учебник уголовного права / Немировский Эммануил Яковлевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2026. – 380 с.

ISBN 978-5-519-99199-5

ISBN 978-5-519-99199-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

I. Задачи, содержаніе и методы науки уголовного права. Вспомогательныя дисциплины.

I. Изъ всей массы правонарушеній, или деликтовъ, выделяется категорія такихъ, на которыя государство реагируетъ особенно рѣзко, особенно энергично. Не довольствуясь возстановленіемъ правомѣрнаго состоянія или возмѣщеніемъ причиненнаго вреда, государство вторгается тогда въ сферу наиболѣе цѣнныхъ благъ личности, лишаетъ ее свободы, имущественныхъ или иныхъ правъ, иногда жизни, примѣняетъ наказаніе. Эта категорія наказуемыхъ правонарушеній, или преступленій, опредѣляется нормами права, которыми опредѣляются также роды и виды наказанія, или карательныя средства, подлежащія примѣненію за то или другое преступленіе.

Положительное уголовное право.

Совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ, какіе деликты составляютъ преступленія и какія наказанія они влекутъ за собою, и есть положительное матеріальное уголовное право.

II. Задача науки уголовного права состоитъ прежде всего въ уясненіи принциповъ, лежащихъ въ основѣ положительнаго права, въ дедукціи изъ нихъ частныхъ положеній, въ раскрытіи пробѣловъ и противорѣчій, и въ сведеніи всего положительнаго матеріала въ стройную систему. Эта задача выполняется *догмой* уголовного права, работающей логическимъ методомъ. Существеннымъ дополненіемъ служатъ историческій и сравнительный методы, уясняя истинный смыслъ нормъ, имѣющихъ корни въ прошломъ, въ прежнемъ законодательствѣ, или заимствованныхъ изъ ино-

Догматическое и историко-сравнительное право.

земнаго права, или съ нимъ сходныхъ, позволяя опредѣлить значеніе нормы въ настоящемъ или предлагая примѣры практическаго примѣненія ея на почвѣ того законодательства, откуда она почерпнута.

**Уголовная
политика.**

III. Но наука уголовного права не ограничивается указанной первой задачей, а ставитъ себѣ и другія: критику дѣйствующаго права и выработку основъ для его реформы. Осуществленіе этой задачи беретъ на себя *уголовная политика*. Уголовное право преслѣдуетъ практическую цѣль—искорененіе или хотя бы уменьшеніе преступности; и уголовная политика занята выработкой наиболѣе пригодныхъ средствъ для достиженія этой цѣли.

Но не всѣ средства борьбы съ преступностью обнимаются уголовной политикой: многія изъ нихъ имѣютъ чисто предупредительный (превентивный) характеръ, стараясь предотвратить совершеніе преступнаго дѣянія, напр.: ночная охрана улицъ, помѣщеніе буйно-помѣшанныхъ въ лечебницы; далѣе цѣлый рядъ мѣръ, преслѣдующихъ инныя цѣли, служащихъ для разрѣшенія другихъ задачъ государства, которыя можно объединить подъ общимъ именемъ цѣлей и задачъ культурнаго прогресса, косвенно способствуетъ уменьшенію преступности: просвѣщеніе народа, улучшеніе матеріальныхъ условій существованія низшихъ классовъ, искорененіе пьянства и т. п. Всѣ эти мѣры превентивныя и обще-культурныя, не предполагающія совершенія преступнаго дѣянія, относятся къ области предупредительной полиціи и соціальной политики и регулируются административнымъ правомъ. Уголовная политика занята изученіемъ только тѣхъ мѣръ, которыя направлены на *личность* преступника и предполагаютъ, что совершено преступленіе. Эти мѣры представляютъ собою *или наказаніе* въ строгомъ смыслѣ слова, *или* же близкія къ нему такъ называемыя *мѣры соціальной защиты* (*mesures de sureté, misure di sicurezza, sichernde Massnahmen*), *имѣющія цѣлью* предупредить повтореніе преступнаго дѣянія тѣмъ же преступникомъ, *предотвратить рецидивъ*. Эти мѣры получили развитіе въ новѣйшихъ кодексахъ (напр., Норвежскомъ 1902 г.) и отдѣльныхъ новеллахъ и въ особенности въ новѣйшихъ проектахъ: швейцарскомъ (1908 г.), германскомъ (1909 г.; оба предварит. проекты) и австрійскомъ правительствен-

номъ (1912 г.). Онѣ или дополняютъ наказаніе, или назначаются вмѣсто него.

Осуществленіе уголовно-политической задачи предполагаетъ прежде всего знаніе дѣйствующаго права и его практическаго примѣненія, иллюстрирующаго его недостатки и достоинства, а также знакомство съ уголовнымъ правомъ другихъ народовъ и исторіей иностраннаго и особенно отечественнаго права: чужой опытъ даетъ много поучительнаго при оцѣнкѣ и реформѣ своего законодательства, а историческое изученіе того или иного института необходимо для опредѣленія его жизнеспособности, должно оберегать отъ поспѣшныхъ выводовъ, отъ ломки прочно утвердившихся въ сознаніи народа правовыхъ представленій и можетъ дать основу для прогноза пріемлемости нововведеній. Такимъ образомъ догматическое и историко-сравнительное изученіе уголовного права важно и для *lex ferenda*. Но этого недостаточно: уголовное право, желающее достигнуть, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ пониженія уровня преступности, не можетъ ограничиться этимъ матеріаломъ; важный матеріалъ дается изученіемъ вліянія наказанія на преступность вообще и на преступниковъ, уже подвергавшихся ему, въ частности, т. наз. *пенологіей*, далѣе—изученіемъ причинъ преступности, указывающимъ, въ какой мѣрѣ наказаніе способно создать препятствіе ея развитію и какія иныя мѣры могутъ съ успѣхомъ вести къ той же цѣли, т. назыв. *этіологіей преступности* или *криминологіей*.

IV. Наказаніе падаетъ на личность, и эффектъ его за- **Факторы**
виситъ отъ свойствъ этой личности; тѣ мѣры, которыя при- **преступности**
годны для одной категоріи преступниковъ, оказываются не-
дѣйствительными или даже вредными для другой. Необходи-
мо раздѣленіе наказываемыхъ на классы въ зависимости
отъ характеровъ преступниковъ, и въ каждомъ классѣ жела-
тельно дальнѣйшее приспособленіе карательнаго средства къ
наказываемой личности—*индивидуализація наказанія*. Харак-
теръ личности складывается подъ вліяніемъ отчасти біологиче-
скихъ условій—наслѣдственности, вырожденія, расы, темпера-
мента и т. д. (*личный факторъ* преступности), отчасти обще-
ственныхъ—воспитанія, пережитыхъ впечатлѣній, примѣровъ,
экономической обстановки и т. п. (*соціальный факторъ*), и
въ нѣкоторой степени космическихъ условій (напр., климата).

Эти факторы вызываютъ къ жизни преступныя дѣянія, и цѣлесообразная борьба съ послѣдними предполагаетъ знакомство съ этими условіями, такъ какъ устраненіе или ослабленіе причинъ преступности гораздо важнѣе, чѣмъ примѣненіе наказанія, слѣдующаго за совершеннымъ уже преступленіемъ; мѣры, направленныя противъ причинъ преступности, предотвращаютъ совершеніе преступнаго дѣянія и дѣлаютъ ненужнымъ самое наказаніе; Ферри называлъ ихъ замѣстителями послѣдняго (*sostitutivi penali*) или его эквивалентами.

Уголовная
антрополо-
гія и соціо-
логія.

V. Соціальныя условія преступности изучаются *уголовной соціологіей*, и добытыя ею данныя служатъ матеріаломъ какъ для организаціи мѣръ соціальной политики, на ряду съ данными общей соціологіи, напр., для рѣшенія жилищнаго вопроса рабочихъ классовъ, вопроса о призрѣніи заброшенныхъ дѣтей, — мѣръ, регламентируемыхъ административнымъ правомъ, такъ и для уголовного законодательства, указывая предѣлы и степень вмѣшательства государства при помощи карательной угрозы и ея дѣйствительнаго выполненія, давая руководящую нить при разрѣшеніи вопроса о криминализаціи тѣхъ или другихъ правонарушеній, т. е. объ отнесеніи ихъ къ категоріи преступныхъ, ибо тамъ, гдѣ необходимо коренное преобразование правоотношеній и регулирующихъ ихъ нормъ другихъ областей права, напр., семейнаго, вещнаго, мало дѣйствительной окажется охрана ихъ санкціей наказанія. Уголовная соціологія укажетъ далѣе сравнительное значеніе цѣнностей, служащихъ объектомъ посягательства, распространенность того или другого рода преступленій и причины этого явленія. Знаніе соціальныхъ факторовъ преступности способствуетъ также надлежащему устройству и режиму мѣстъ заключенія и выбору мѣръ соціальной защиты.

Изученіе личнаго фактора преступности составляетъ предметъ *уголовной антропологіи* въ широкомъ значеніи слова, въ частности: соматологіи (изученіе тѣлесныхъ и физиологическихъ особенностей), психологіи (изученіе духовныхъ чертъ преступника) и психопатологіи (изученіе болѣзненныхъ разстройствъ психики). Эти дисциплины особенно важны для уголовного права: онѣ даютъ основу для выдѣленія изъ всей массы совершившихъ преступленіе категорій

невмѣняемыхъ, не несущихъ уголовной отвѣтственности, и для подраздѣленія другой категоріи, отвѣтственной за свои поступки, на классы, различающіеся психическими особенностями. Индивидуализація наказанія, выборъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наиболѣе пригоднаго карательнаго средства будетъ тѣмъ удачнѣе, чѣмъ лучше изслѣдованы психологическія особенности преступника. Указанныя дисциплины часто помогаютъ правильному рѣшенію вопроса и о криминализаціи дѣянія и объ оцѣнкѣ его тяжести, напр., дѣтубійства, гомосексуализма, содоміи.

VI. У многихъ ученыхъ возникаетъ стремленіе ввести и эти отрасли наукъ въ науку уголовного права или даже замѣнить послѣднюю уголовной антропологіей (такъ Ломброзо), или уголовной социологіей (такъ Дорадо и Ферри), или же создать особую область права или особую науку, не исключительно юридическую, о борьбѣ съ преступностью, включающую все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ этой борьбѣ (такъ Томсенъ). Но эти крайнія точки зрѣнія не находятъ послѣдователей: замѣна уголовного права антропологіей мыслима только, если признать правильнымъ утвержденіе, что преступленіе есть біологическое явленіе, узнаваемое по антропологическимъ признакамъ и требующее мѣръ защиты, однородныхъ съ мѣрами борьбы противъ другихъ вредныхъ стихійныхъ явленій, — точка зрѣнія, несомнѣнно ошибочная и окончательно опровергнутая. Уголовная социологія также не можетъ вытѣснить науку уголовного права, изучающую *правовые* условія и предѣлы наказанія, какъ одного изъ средствъ борьбы съ преступленіемъ, занятую выработкой юридическихъ понятій преступленія вообще и его отдѣльныхъ видовъ и наказанія и отдѣльныхъ карательныхъ средствъ, тогда какъ уголовная социологія изслѣдуетъ взаимоотношеніе социальныхъ явленій преступления и наказанія съ другими социальными явленіями, зависимость отъ нихъ и вліяніе на нихъ, пользуясь приемами массоваго наблюденія конкретныхъ фактовъ (статистическій методъ). Такимъ образомъ предметы и методы этихъ наукъ не совпадаютъ, и даже цѣли совпадаютъ не вполне: уголовное право примѣняетъ матеріалъ, доставляемый антропологіей и социологіей, для разрѣшенія вопроса о необходимости и степени вторженія въ правовую сферу

Отношеніе
уголовной
социологіи и
антропологіи
къ угол.
праву.

личности посредствомъ наказанія, а указанная дисциплины преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли и при томъ, если и служатъ также цѣли борьбы съ преступностью, то не одними карательными средствами или близкими къ нимъ мѣрами соціальной защиты, но и средствами, направленными къ ослабленію общихъ причинъ преступности, даютъ матеріалъ для разрѣшенія вопросовъ соціальной политики, напр. объ уменьшеніи пьянства, скученности населенія и т. п. Объединеніе же различныхъ наукъ въ одну только на основаніи ихъ значенія для борьбы съ преступностью, по идеѣ Томсена, привело бы, какъ замѣчаетъ Флоріанъ, къ какому-то хаосу.

Дѣйствительно, эта всеобъемлющая наука борьбы съ преступностью охватила бы и административное право, и всю область экономики, и даже религію и этику, ибо въ конечномъ результатѣ всѣ эти двигатели прогресса и культуры могутъ вліять на ходъ преступности. Но съ одной стороны, былъ бы очень узкимъ взглядъ, который разматривалъ бы соціальную жизнь подъ однимъ угломъ и центръ всѣхъ общественныхъ реформъ видѣлъ лишь въ уменьшеніи преступныхъ посягательствъ, тогда какъ цѣнность культурныхъ завоеваній—напр., страхованія рабочихъ, распространенія трезвости, всеобщаго обученія—опредѣляется, конечно, не этими побочными вліяніями; съ другой стороны, программа Томсена и не столь широкая программа криминалистовъ, которые, сохраняя юридическій характеръ науки уголовного права, настаиваютъ на включеніи въ нее уголовной антропологии и социологии (такъ проф. Чубинскій) или же только послѣдней (такъ проф. Пюнтковский, Познышевъ, Гернетъ) забываютъ о дифференціаціи наукъ и специализаціи знаній, наблюдаемыхъ всюду съ ихъ ростомъ, и о плодотворномъ принципѣ раздѣленія труда. Соединеніе социологическаго и юридическаго изслѣдованія, допустивши даже возможность самостоятельной обработки матеріала, останется все же механическимъ; и, дѣйствительно, даже въ курсахъ ученыхъ, придающихъ громадное значеніе соціальному фактору преступности, какъ Листъ, Принсъ, Гарро, мы встрѣчаемъ обработку именно юридическаго матеріала и только пользованіе данными социологии и антропологии, насколько это необходимо для оцѣнки положительнаго права; въ изложеніе вводятся только результаты, добытые этими науками.

Уголовная антропология и социология могутъ имѣть такимъ образомъ значеніе только отдѣльныхъ отъ науки уголовного права вспомогательныхъ наукъ. Криминалистъ, заимствуя добытые ими данныя, можетъ только основываться на изслѣдованіяхъ специалистовъ, и принимать для своихъ построеній твердо установившіеся ихъ выводы; все спорное онъ долженъ принимать съ большою осторожностью; ему до-

ступна при этомъ критика логичности выводовъ, соотвѣтствія ихъ предпосылкамъ, но не болѣе: самостоятельное установленіе фактовъ и взаимоотношенія ихъ требуетъ спеціальныхъ знаній.

VII. Въ самостоятельную дисциплину выдѣлилось *Тюремнѣ-тюрьмовѣдѣніе*, занятое вопросами наиболѣе цѣлесообразнаго въ дѣлѣ борьбы съ преступностью устройства тюремъ и тюремнаго режима и обнимающее, кромѣ юридическаго матеріала, также множество данныхъ изъ гигиены, медицины, психологіи и различныхъ прикладныхъ наукъ (архитектуры, напр.). **Дѣлье и криминалистика.**

Самостоятельную область представляетъ и такъ называемая *криминалистика*, собственно не наука, а искусство распознаванія и констатированія конкретныхъ случаевъ преступленія, на основаніи судебной медицины, химіи, фотографированья, дактилоскопіи, метода ассоціаціи, вообще различныхъ техническихъ пріемовъ. Основатель криминалистики проф. Гансъ Гроссъ.

VIII. Итакъ содержаніе науки уголовного права составляетъ анализъ *de lege lata* и *de lege ferenda* элементовъ понятій преступленія и наказанія вообще и отдѣльныхъ ихъ видовъ. Соответственно съ этимъ наука уголовного права распадается на двѣ части: 1) общую, куда принято относить также изложеніе отдѣльныхъ видовъ наказанія (карательныхъ мѣръ) и 2) особенную, содержащую анализъ отдѣльныхъ видовъ преступленія—разбоя, убійства, кражи и т. п. **Подраздѣленіе науки угол. права.**

Въ свою очередь, общая часть дѣлится на ученіе о преступленіи и ученіе о наказаніи; къ ней же относится ученіе объ уголовномъ законѣ, какъ источникѣ уголовного права

II. Историческій очеркъ науки уголовного права.

I. Наука уголовного права достигаетъ полнаго расцвѣта только въ XIX вѣкѣ. Отъ древнихъ грековъ и римлянъ дошли до насъ въ сочиненіяхъ философовъ и юристовъ, посвященныхъ не уголовному праву, указанія на отдѣльныя проблемы послѣдняго, какъ сущность наказанія, его цѣль и нѣкоторыя друг. Таковы замѣчанія, разбросанныя **Древній періодъ.**

въ различныхъ сочиненіяхъ Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана, Сенеки. Кромѣ того отрывки, относящіеся къ практикѣ уголовного правосудія, изъ не дошедшихъ до насъ, повидимому, практическихъ сочиненій Павла, Ульпіана, Модестина и друг., составили *lib. 47 и 48 Digest.*, такъ называемые *libri terribiles*. Къ уголовному праву относятся также имѣвшія значеніе учебныхъ пособій институцій Юстиніана книга IV и Гая кн. III.

**Средніе
вѣка и на-
чало новаго
времени.**

II. Въ средніе вѣка, со времени возникновенія въ XII столѣтіи въ Италіи Болонскаго университета, *libri terribiles*, а также относящіеся къ уголовному праву постановленія *lib. 6. и 9* Юстиніанова кодекса, затѣмъ части *Corpus juris canonici*, *Decretum Gratiani*, *Decretal. Gregor. IX*, *Extravagant. папы Іоанна XXII*; *libri poenitentiales*, позже статуты итальянскихъ городовъ образуютъ матеріалъ для толкованія, первоначально въ формѣ примѣчаній на поляхъ—глоссъ. При этомъ глоссаторы давали сводку прежде высказанныхъ мнѣній, присоединялись къ нимъ или критиковали, а по временамъ проводили въ толкованіяхъ и начала обычнаго права. Это *комментаторское направленіе*, древнѣйшимъ представителемъ котораго считаютъ Альберта Гандина (XIII в. „*Libellus super maleficiis*“), перенеслось и въ другія страны; оно удержалось до *середины XVIII вѣка*, достигши особеннаго расцвѣта и вліянія въ XVI и XVII в. въ трудахъ Юлія Клара и Проспера Фаринація въ Италіи, Дамгудера и Антонія Маттея въ Голландіи, Берлиха и Карпцова въ Германіи и оказавши вліяніе на знаменитый кодексъ Карла V (1532 г.) „*Constitutio criminalis Carolina*“.

**Уголовно-
политическое
движеніе
XVIII в.**

III. Въ XVIII в. возникаетъ сильное уголовно-политическое движеніе, направленное къ коренной реформѣ уголовного права и процесса и опиравшееся на требованія разума и гуманности и на новые политическіе идеалы. Важнѣйшіе представители этого движенія *Монтескье* (*Lettres persanes*, 1721, *L'esprit des lois*, 1748 г.), *Вольтеръ*, *Руссо* и въ особенности *Чезаре Беккариа*, выпустившій въ 1764 г. книгу: „*О преступленіяхъ и наказаніяхъ*“ (*Dei delitti et delle pene*). Это сочиненіе было вскорѣ переведено на всѣ европейскіе языки и оказало громадное вліяніе на всѣ передовые умы XVIII в. и на представителей просвѣщеннаго абсолютизма: Екатерину II („Наказъ“), *Фридриха Великаго*, *Йоси-*

фа II, австрійскаго. Сокращеніе области примѣненія смертной казни, устраненіе изъ кодексовъ суевѣрій: отмѣна преслѣдованій еретиковъ, вѣдьмъ и т. п., а также пытки; ограниченіе произвола суда—вотъ главныя требованія Беккаріи, Монтескье и другихъ представителей этого направленія. Соотвѣтствіе наказанія тяжести преступленія Монтескье разсматривалъ, какъ триумфъ свободы: наказаніе должно диктоваться не произволомъ судьи или прихотью законодателя, а природой совершеннаго преступнаго дѣянія. Логическимъ выводомъ отсюда было установленіе абсолютно-опредѣленной санкціи, лишеніе суда права выбирать мѣру наказанія даже въ предѣлахъ *maximum'a* и *minimum'a* (такъ франц. угол. кодексъ 1791 г.) и отрицательное отношеніе къ толкованію закона у представителей этого направленія и ихъ послѣдователей. Законъ долженъ быть точенъ и совершененъ; судья не можетъ измѣнять ничего ни въ составѣ преступленія, ни въ мѣрѣ наказанія.

IV. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ появляются пер-Классическая школа.
выя работы Грольмана и Фейербаха, изъ которыхъ второй имѣлъ громадное значеніе для развитія науки уголовного права.

Въ XIX в. надолго (до конца 70-ыхъ годовъ) утвердилось такъ назыв. *классическое направленіе*, основывавшее отвѣтственность на абсолютно свободной волѣ личности и на идеѣ возмездія, подъ вліяніемъ метафизической философіи Канта и Гегеля. Особенно выдающіеся представители этой школы Кестлинъ, Бернеръ, Гельшнеръ, у насъ Спасовичъ, во Франціи и Италіи Росси, Каррара, Эли, Ортоланъ. Классическая школа сдѣлала очень много для системы уголовного права и внесла много цѣнныхъ изслѣдованій въ область ученія о преступленіи и особенной части нашей науки, иногда, впрочемъ, впадая въ излишній схематизмъ, граничащій со схоластикой. Изобиліе юридическихъ тонкостей, лишенныхъ подчасъ жизненнаго значенія, искусственно созданныхъ понятій, загромождало науку, а за ней и кодексы излишнимъ баластомъ.

Но главный недостатокъ этого направленія заключается въ нежизненности ученія о наказаніи. Въ основу кладется принципъ пропорціональности наказанія тяжести вины, но послѣдняя измѣряется тяжестью послѣдствій: важностью

объекта посягательства и степенью причиненного ему вреда. Къ этому приводила идея справедливаго воздаянія—*возмездія*, въ пониманіи корифеевъ классицизма; но того же требовала и идея психологическаго принужденія, обоснованная Фейербахомъ, и позже *идея общаго предупрежденія*: чѣмъ благо выше, тѣмъ ставка наказанія должна быть больше, чтобы создать препятствіе преступному стремленію, способное перевѣсить силу этого импульса (Фейербахъ), или же, чтобы энергичнѣе защитить болѣе цѣнныя блага. Съ другой стороны, *идея публично-правовая*, наслѣдіе просвѣтительной эпохи, съ боязнью произвола судей, съ ревливой охраной индивидуальной свободы, переносила центръ тяжести при опредѣленіи наказанія на законъ, а не на приговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ основу ставила дѣяніе, въ законѣ предусмотрѣнное. Важность дѣянія опредѣляла размѣръ наказанія, а она сама опредѣлялась снова цѣнностью объекта посягательства и степенью причиненнаго вреда. Этотъ кругъ идей такимъ образомъ ставилъ законодателю задачу установить *два параллельныхъ скалы*: одну *благъ—по ихъ цѣнности* или общественной важности, другую *наказаній—по степени ихъ тяжести*; высшей ступени въ одной соотвѣтствовала высшая ступень въ другой. Всякій придатокъ на сторонѣ преступленія, напр.: большая стоимость похищенной вещи, взломъ, влекъ увеличеніе мѣры наказанія; всякій минусъ вызывалъ пониженіе. Изъ субъективныхъ моментовъ выдвигались только особенно яркіе (большая наказуемость умысла сравнительно съ неосторожностью), да и то часто недостаточно. Въ стремленіи сузить рамки свободы судьи, необходимо было уже въ самомъ законѣ предусмотрѣть наиболѣе типичныя особенности отдѣльныхъ преступленій, что приводило къ созданію цѣлаго ряда квалифицированныхъ (строже наказуемыхъ по закону) и привилегированныхъ (легче наказуемыхъ по закону) преступленій и такимъ образомъ къ осложненію особенной части кодексовъ; при этомъ *законъ, какъ общая формула*, все же не могъ предусмотрѣть всего богатства, *всего разнообразія конкретныхъ проявленій одного и того же, по законодательной терминологіи, преступленія* и назначить соотвѣтствующее данному случаю и пригодное для данной личности наказаніе; такая индивидуализація недоступна закону, знающему только понятія, а не преступни-